

АЛЕКСЕЕВСКО-САРГАРИНСКИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ САРЫ-АРКИ

А. А. Ткачев

Статья посвящена характеристике поселенческих комплексов алексеевско-саргаринской культуры Центрального Казахстана, функционировавшей в рамках общности культур валиковой керамики. Анализируется керамический и вещевые инвентарь, обосновывается двухэтапное развитие алексеевско-саргаринских древностей Сары-Арки.

Сары-Арка, алексеевско-саргаринская культура, поселения, керамика, инвентарь.

Исторические процессы, протекавшие в рамках финальной стадии бронзового века, носили эпохальный характер. Именно в это время на огромных пространствах степной Евразии складывается общность культур валиковой керамики, имеющих разную подоснову [Черных, 1983].

Большинство исследователей, вычлняя валиковые комплексы как атрибут нового культурного феномена, считают археологические культуры, сложившиеся в степной части Зауралья и Казахстана, естественным продолжением андроновских древностей. Еще К. В. Сальников отмечал, что в рамках заключительной фазы эпохи бронзы следует синхронизировать андроновские комплексы замараевского типа, поселения с флажково-жемчужной керамикой, межовский и березовский этапы черкаскульской культуры [1967. С. 350, 371, 390–391]. В процессе накопления материала в замараевских комплексах были выделены две группы. В северной, межовской группе памятников, локализованных в лесной части Зауралья, объединены межовские и березовские комплексы [Косарев, 1976. С. 23–24; 1981. С. 162–169; Обыденнов, 1981. С. 14]. Южная степная группа памятников выделена в алексеевскую (по Т. М. Потемкиной [1979]) или саргаринскую (по С. Я. Зданович [1979]) культуру. Позднее древности заключительной фазы степной бронзы Зауралья и Казахстана объединены в рамках алексеевско-саргаринской культуры [Потемкина, 1995. С. 16].

Выделение алексеевско-саргаринской культуры произошло в процессе хронологической и культурной дифференциации позднебронзовых древностей лесной и степной зон, занятых в предшествующий период памятниками андроновской общности. Сегодня в ареал алексеевско-саргаринской культуры включаются степные и лесостепные районы Притоболья, Северного и Центрального Казахстана.

Одними из первых памятников данного культурного объединения, исследованных в степях Сары-Арки, являются могильник Айдарлы и несколько поселений, расположенных в разных частях региона: Атасу I, Бугулы II, Каркаралинское I, Каркаралинское II, Улутату, Суук-Булак, Шортанды-Булак [Маргулан и др., 1966. С. 183–186, 207–257; Маргулан, 1979. С. 198–214]. Древности алексеевско-саргаринской культуры интенсивно изучались в 1970–1990-е гг. В западной части региона исследуются многослойные поселения — Икпень I, Икпень III, Усть-Кенетай, Энтузиаст II [Евдокимов, 1982; Ткачев, 2002]; в восточной — поселения Кент, Ташик, Акимбек, Упаис [Варфоломеев, 1987, 1991]. В настоящее время в степях Сары-Арки открыто более 30 памятников, из них стационарно исследовано свыше 20 поселений (рис. 1). Поверхность большинства памятников хорошо задернована, но их отличительной особенностью является наличие жилищных западин, и в ряде случаев прослеживаются остатки стен в виде развалов камня вдоль внешних очертаний построек.

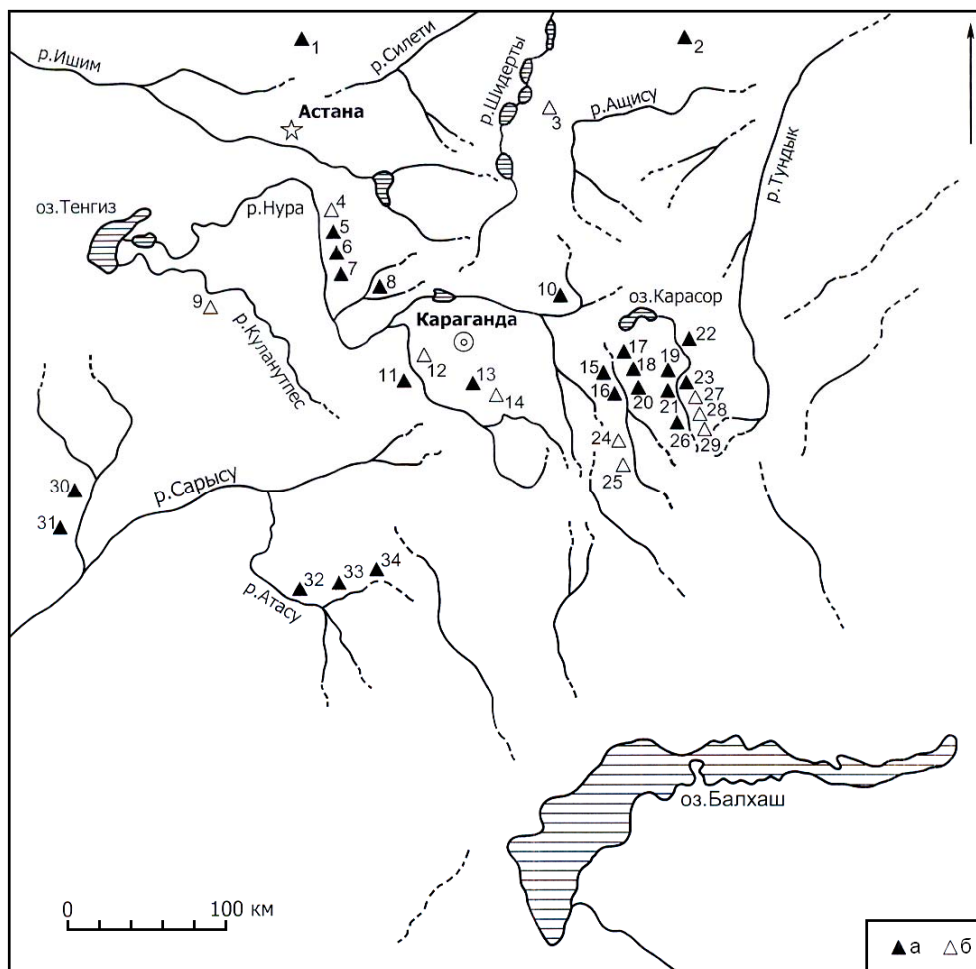
Несмотря на обилие открытых памятников позднебронзового века, сравнительно небольшое их количество известно по исследованиям широкими площадями: среди них поселение Домолактас (220 м²), Икпень I (3609 м²), Кент (2632 м²), Энтузиаст II (328 м²) [Варфоломеев, 1987. С. 56–57; 1991. С. 7–9; Ткачев, 2002. С. 38, 147], Усть-Кенетай [Евдокимов, 1982].

Необходимо отметить, что в период поздней бронзы в степях Сары-Арки происходит значительное увеличение числа поселений. Население не только возводило постройки на месте ранних андроновских поселков, но и активно осваивало новые территории. Несмотря на многолетние и целенаправленные исследования в восточной горной части региона, поселений предшествующего времени, с материалами атасуско-нуринского облика, не обнаружено. Исключе-

нием является кратковременное поселение Акимбек, содержащее смешанные материалы нуринаского, атасуского и алексеевско-саргаринского облика [Варфоломеев и др., 1988. С. 480; Варфоломеев, 1991. С. 9].

Алексеевско-саргаринские поселки располагались на краю первых надпойменных террас, на мысах или у излучин, рядом с широкими заливными поймами. Преобладают небольшие поселки, площадью до 5 тыс. м², включающие от одной до пяти построек (Икпень I, Икпень III, Усть-Кенетай, Кзылтас I); несколько меньше поселков средних размеров, площадью 7–20 тыс. м², объединяющих 10–30 сооружений (Суук-Булак, Упаис, Копа I, Атасу I). Появляется и особая группа поселений, претендующих на статус «городов», площадью от 3 до 30 га (Кент, Мыржик, Бугулы I) [Варфоломеев, 1991. С. 12, 20].

Для алексеевско-саргаринских поселков характерно линейное расположение жилищ вдоль рек в один-два ряда с улицей между постройками (Икпень I, Милькудук, Копа I, Усть-Кенетай, Каркаралы II). В горных районах размещение жилищ более плотное, «скученное» (Упаис, Кент, Атасу I, Бугулы II). Как исключение встречается круговая планировка со свободной площадкой в центре (Шортанды-Булак, Аккезен) [Маргулан, 1979. Рис. 119, 145, 149, 167].

Рис. 1. Карта поселений алексеевско-саргаринской культуры Центрального Казахстана:
 а — поселения, исследованные раскопками; б — поселения, исследованные разведкой;
 1 — Кеноткель X; 2 — Тагибай-Булак; 3 — Карасу; 4 — Энтузиаст III; 5 — Энтузиаст II; 6 — Икпень I;
 7 — Икпень III; 8 — Усть-Кенетай; 9 — Донское; 10 — Ташик; 11 — Шортанды-Булак; 12 — Аккозен;
 13 — Бугулы I; 14 — Бугулы II; 15 — Суук-Булак; 16 — Эдрей; 17 — Копа I; 18 — Домалактас;
 19 — Карабулак; 20 — Кент; 21 — Каркаралы II; 22 — Упаис; 23 — Акимбек; 24 — Байшура I;
 25 — Байшура II; 26 — Донгал; 27 — Сатан I; 28 — Сатан II; 29 — Сатан III; 30 — Улутая; 31 — Милькудук;
 32 — Ак-Мустафа; 33 — Атасу I; 34 — Мыржик

Алексеевско-саргаринские поселенческие комплексы Сары-Арки

На поселениях Центрального Казахстана исследовано около 20 жилищ, содержащих алексеевско-саргаринские материалы. Значительная их часть изучена в Нуринском и Каркаралинско-Кентском микрорайонах (рис. 1).

Особенности алексеевско-саргаринской архитектуры связаны со структурными изменениями хозяйственной деятельности. Переход к отгонному скотоводству сформировал новые направления в строительной практике населения. Западная, равнинная территория Сары-Арки начинает использоваться в основном в теплый период года, восточные районы являются местом обитания в зимнее время. Поэтому в жилищной архитектуре преобладают для вида сооружения. Постройки, изученные в среднем течении р. Нуры, представлены крупными прямоугольными землянками с закругленными углами. Несколько отличается жилище 4 поселения Икпень I, неправильно-прямоугольной формы [Ткачев, 2002. С. 29–32, рис. 6]. Частично сохранившееся жилище 1 поселения Энтузиаст II имело, вероятно, четырехугольную форму с выступом-пристройкой в северной стенке, которая совместно с остатками столбовых конструкций разделяет помещение на две части: жилую и хозяйственную. Реконструируемая площадь жилища около 200 м². Пол пристройки несколько выше жилого помещения; в центре восточной стенки обнаружен переход в соседнее жилище [Там же. С. 144, 147, рис. 45].

Жилые помещения имеют 1–3 выхода, расположенных в углу или стене, в виде коридора или короткого тамбура, ориентированного на запад — к реке или на восток — в напольную сторону. Вход в землянки оформлен при помощи ступенек, полого спуска или в виде материкового «языка», плавно понижающегося ко дну помещения. Для каждого жилища характерен, как правило, один тип выхода, и только в жилище 14 поселения Икпень I каждый из трех выходов оформлен своеобразно [Там же. С. 33–37, рис. 6].

Все жилища однокамерные, углублены в грунт на 0,2–0,9 м. Длина котлованов 17–24 м, ширина 9,1–12 м, площадь 180–250 м². Стены котлованов крутые. Полы глубоких жилищ на поселениях Икпень I и Икпень III, расположенных на низких участках береговых террас, покрыты мощной глиняной обмазкой с добавлением речного песка и ила. Полы неглубоких котлованов в постройках на поселении Энтузиаст II, расположенных на высоте свыше 4 м от уреза воды, глиной не обмазаны. Это еще раз подтверждает предположение, что обмазка пола не является культурным или хронологическим показателем, а зависит от конкретных условий расположения поселения.

На полах помещений встречены очаги, количество которых варьируется от трех до девяти.

Очаги трех разновидностей:

- в круглых (диаметр 0,5–0,6 м) или овальных (0,6×0,8 м) ямках, стены и дно укреплены каменными плитками; внутри очажные ямы забутованы прокаленными камнями;
- кострища открытого типа в округлых (0,5–0,8 м) или овальных (0,5×0,75 м) ямках;
- прокалы на полах помещений в виде овальных участков прокаленной глины (0,5–2,25 м).

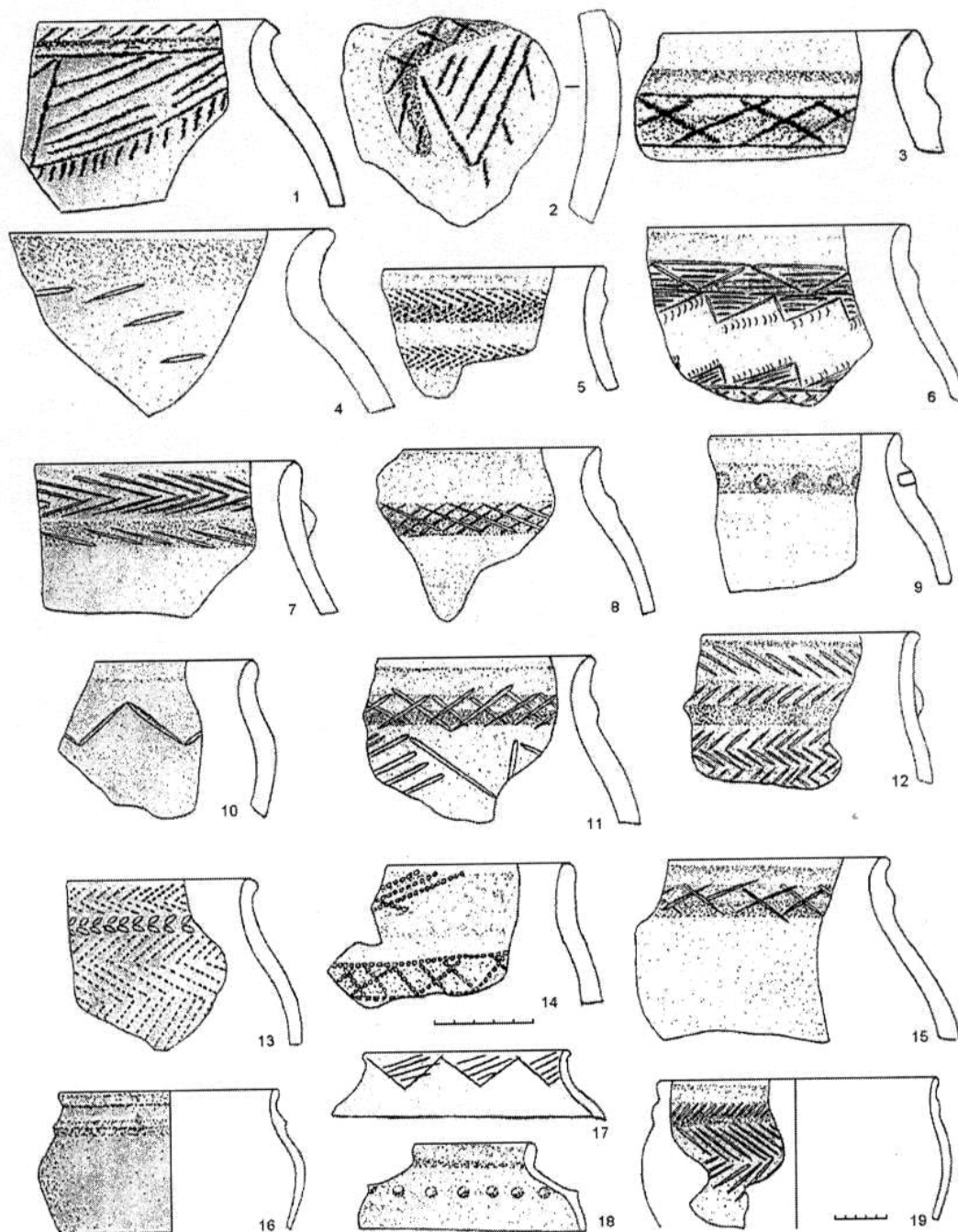
Для большинства жилищ характерно сочетание всех типов очагов; в жилище 1 поселения Энтузиаст II встречены только очаги-кострища открытого типа; в жилище 14 поселения Икпень I изучен двухкамерный очаг. В то же время в большей части жилищ преобладают очаги наземного типа, сохранившиеся в виде прокалов. Очаги невозможно разделить по назначению: кухонные или отопительные, так как в основном они расположены вдоль центральной оси помещения и вокруг них сосредоточены многочисленные обломки посуды и кухонные отбросы. Очевидно, очаги совмещали кухонно-отопительные функции. Очаг-кострище открытого типа, расположенный в хозяйственной пристройке жилища 1 поселения Энтузиаст II, можно считать кухонным, служившим для приготовления пищи, так как возле него найдены многочисленные фрагменты битой посуды, обожженные и разбитые кости животных. Очаги основного помещения использовались только для обогрева, вокруг них находок не было.

В жилище 14 поселения Икпень I, кроме разнотипных очагов, обнаружены остатки печи, служившей и для плавки металла, и для обогрева помещения. Теплый воздух по системе каналов, соединенных с печью, распространялся по всей землянке. Вытяжное устройство выводило дым за пределы помещения. Его встроили в стену котлована и оформили в виде трубы из камней, обмазанных глиной [Ткачев, 2002. С. 35, рис. 19]. В жилище 21 поселения Шортанды-Булак обнаружена глинобитная печь, использовавшаяся не только для обогрева помещения, но и для обжига гончарных изделий [Маргулан, 1979. С. 203].

Ямы хозяйственного назначения двух разновидностей:

1. Округлые (диаметр 1,0–1,4 м) и глубокие (1,25 м) ямы-хранилища. Расположены у выходов (жилища 14 и 16 поселения Икпень I), в заполнении встречены вещи, кости животных, обломки посуды.

2. Небольшие (0,3–0,8 м) и неглубокие (0,1–0,2 м) овальной или округлой формы (единичны квадратная, восьмиугольная и подтреугольная) ямы. Количество их варьируется от 4 до 9, и только в жилище 14 поселения Икпень I расчищено 17 хозяйственных углублений. Большинство ям расположено у стен, реже возле очагов. Ямы обычно без находок, изредка встречаются каменные плиты и разрозненные фрагменты керамики.

Рис. 2. Алексеевско-саргаринская керамика поселений Сары-Арки:
1–4 — Икпень III; 5–13, 15, 17, 18 — Икпень I; 14, 16, 19 — Энтузиаст II

Алексеевско-саргаринские поселенческие комплексы Сары-Арки

Количество столбовых углублений довольно велико, от 58 до 117. В жилищах поселения Икпень I и Икпень III часты парные столбовые углубления, свидетельствующие о периодической замене подгнивших опорных столбов. В жилище 1 поселения Энтузиаст II отмечено небольшое количество столбовых ямок (22), что отражает кратковременность функционирования алексеевско-саргаринского поселка на данной жилой площадке.

Утепленные зимние жилища, изученные в восточной части региона, сооружались по иным архитектурным принципам. При постройке этих жилищ широко использовался камень для фундамента и облицовки стен котлованов. Преобладают небольшие глубокие прямоугольные землянки, имеющие только один выход. Длина котлованов 7,3–14,4 м, ширина 5,5–9 м, площадь 40–90 м², глубина котлованов до 0,5–0,85 м. Жилые помещения довольно часто пристроены друг к другу и имеют совместные стенки (Бугулы I, Бугулы II, Кент, Упаис). Постройки отапливались разнотипными очагами. Для обогрева жилища 8 поселения Кент и жилища 1 поселения Упаис применялись печи [Варфоломеев, 1991. С. 8–12]. Количество хозяйственных и столбовых углублений незначительно.

В алексеевско-саргаринских комплексах Центрального Казахстана преобладают горшки крупных и средних размеров. Толстостенная посуда нередко покрыта горизонтальными или косыми штрихами, оставленными при обработке поверхности. Обжиг неровный костровой, цвет поверхности черный, реже коричневый. В качестве отощителя использовались крупный и мелкозернистый песок, дресва, шамот, мел, раковина, слюда. Среди горшков преобладают сосуды со слабо выраженной невысокой шейкой, переходящей в слегка раздутое тулово, единичны банки, чаши и бомбовидные сосуды. Около трети венчиков украшены налепными (8,7–13,3 %) или сформованными (11,1–19,8 %), овальными или треугольными в сечении валиками, расположенными в нижней части горловины (рис. 2, 3, 5–9, 11, 12, 15, 16, 19), как исключение встречаются двойные валики. Своеобразна группа сосудов с налепными или сформованными утолщениями на шейке в виде воротничков (рис. 2, 3). Орнамент беден, значительная часть сосудов не орнаментирована (21–47,5 %). Преобладает резная техника нанесения узора (43,3–61,3 %), реже встречаются гребенчатый штамп (15,1–22,6 %) и вдавления (15,1–23,6 %).

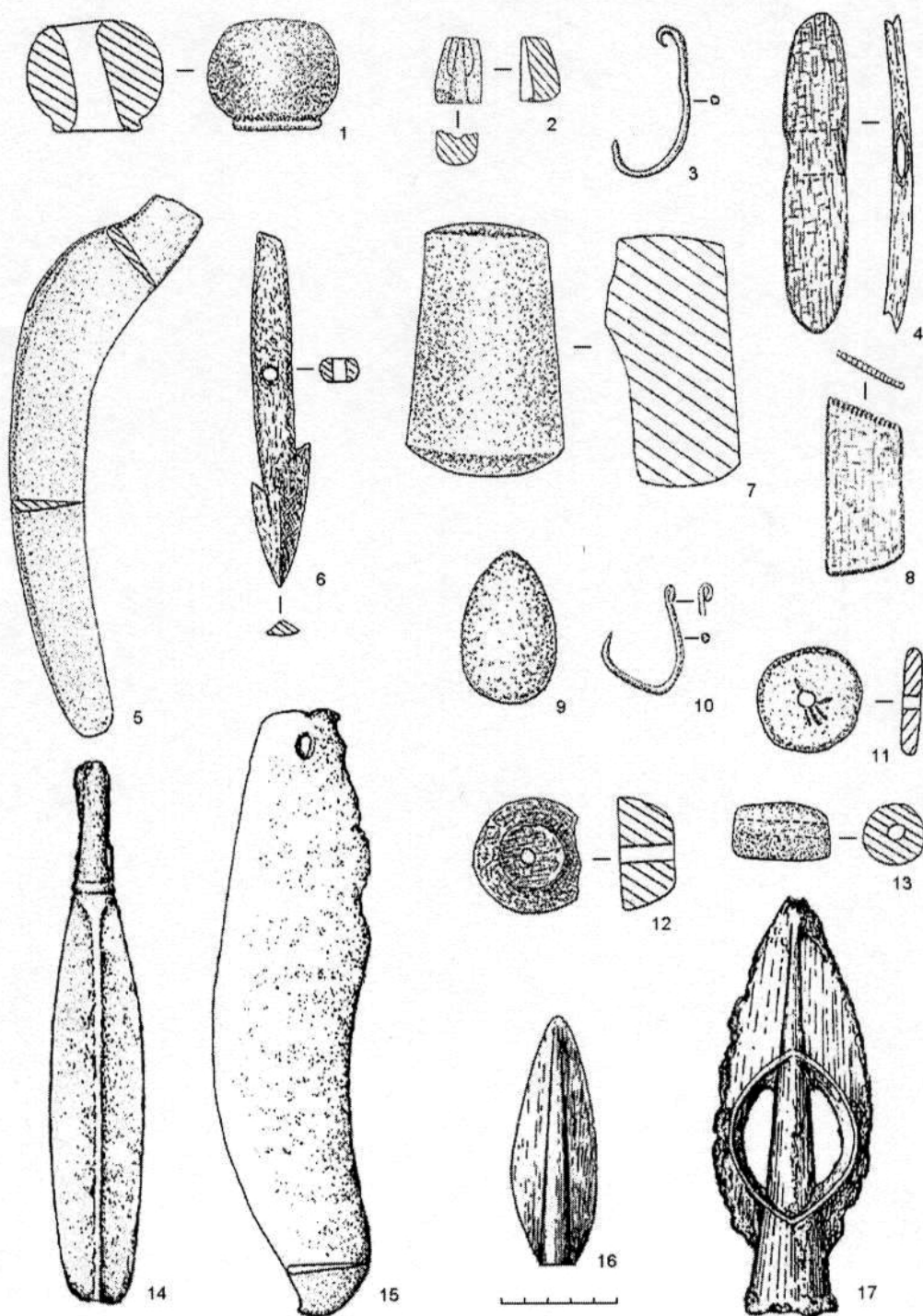
Довольно часто узор расположен узкой полосой на валике (рис. 2, 3, 8, 15) или в верхней части тулова (рис. 2, 1, 4, 12, 13, 19). Иногда концы валика оформлены в виде спускающихся вниз «усов» (рис. 2, 2). Широко распространены диагональная сетка (рис. 2, 3, 8, 11, 14, 15), «елочка» (рис. 2, 5, 7, 12, 13, 19). Дополнительным достаточно редким элементом декора являются треугольники (рис. 2, 1, 2, 6, 11, 17), зигзаги (рис. 2, 10), жемчужины (рис. 2, 18), вдавления (рис. 2, 9, 13). Наблюдается высокий коэффициент парного сходства (52,4–72,3 %) между алексеевско-саргаринскими комплексами отдельных памятников Сары-Арки [Варфоломеев, 1991. С. 15].

По основным показателям (форма сосудов, техника нанесения и элементы узора, орнаментальные композиции, принципы размещения на орнаментальном поле) алексеевско-саргаринская посуда Центрального Казахстана имеет сходство с саргаринскими древностями Северного Казахстана [Зданович С. Я., 1984]. Высокий коэффициент парного сходства керамических комплексов Центрального и Северного Казахстана (43,8–45,7%) [Евдокимов, Ломан, 1982. С.39, табл. 8] свидетельствует о том, что валиковая посуда этих регионов сформировалась одновременно, на близкой подоснове, при постоянных контактах носителей культур между собой.

Инвентарь алексеевско-саргаринских памятников богат и разнообразен. Среди изделий из бронзы: серп (рис. 3, 5), серп-косарь (рис. 3, 15), нож-кинжал с кольцевым упором на рукояти (рис. 3, 14), втульчатый двухлопастной наконечник стрелы (рис. 3, 16), наконечник копья с прорезными крыльями (рис. 3, 17), рыболовные крючки (рис. 3, 3), разнотипные тесла, проколки. Материалы многих поселений включают бронзовые скобки, применявшиеся для починки глиняной посуды, и небольшие слитки бронзы.

В поселенческих материалах выделяется многочисленная группа орудий труда, использовавшихся в процессе получения металла: для дробления и растирания руды, заточки готовых изделий. Этот комплекс представлен крупными растирочными плитами, молотами и грубо обработанными крупными пестами. На поселении Икпень III найдена вырезанная из мягкого камня форма для отливки двухлопастного наконечника стрелы с короткой втулкой (рис. 3, 2). Для шлифовки и заточки бронзовых орудий служили абразивные плиты из песчаника и оселки, особенностью которых является брусковидный характер и просверленное отверстие в верхней части для подвешивания на поясе [Ткачев, 2002. Рис. 22, 24]. О развитии металлургии говорят и скопления медной руды, обнаруженные на полу жилища 4 поселения Икпень I. Плавка металла

могла осуществляться как на территории поселка, о чем свидетельствует заполнение печи в жилище 14 этого же поселения, так и за его пределами; в культурном слое памятника почти нет шлаков.

Рис. 3. Алексеевско-саргаринский инвентарь поселений Сары-Арки: 1, 3–8, 10, 12, 13 — Икпень I; 2 — Икпень III; 9, 11 — Энтузиаст II; 14–17 — Кент: 1, 2, 7, 9, 11 — камень; 3, 5, 10, 14–17 — бронза; 4, 6, 8, 12 — кость; 13 — глина

Комплекс каменных орудий, связанных с переработкой земледельческой продукции, представлен небольшими тщательно зашлифованными пестами цилиндрической или яйцевидной

Алексеевско-саргаринские поселенческие комплексы Сары-Арки

формы (рис. 3, 7, 9). На поселении Икпень I найдено навершие булавы с тщательно зашлифованной поверхностью, уплощенно-округлой формы, с бортиком по основанию, вырезанное из зеленого змеевика (рис. 3, 1). В качестве утяжелителей веретен служили каменные пряслица (рис. 3, 11). Широко распространены в алексеевско-саргаринских слоях лошिला из галек, использовавшиеся, вероятно, для обработки шкур животных. Мягкие породы камня применялись для изготовления пуговиц.

Глиняные изделия немногочисленны и обнаружены только на поселениях. Это миниатюрные чашечки, грузила для сетей или сопла (рис. 3, 13), пряслица из обломков сосудов, шарики со сквозными отверстиями или без них, фишки с насечками или без них для какой-то игры, распространенной у алексеевско-саргаринского населения.

Преобразование косторезного дела в специализированный вид производства способствовало широкому распространению кости в обиходе. Среди костяных изделий можно выделить двузубую острогу (рис. 3, 6), уток для ткацкого станка (рис. 3, 4), пряслица из головок бедренных костей (рис. 2, 12), штампы-орнаментеры (рис. 3, 8), проколки из трубчатых и тарпанных костей лошадей, подвески из зубов, обломки кинжалов, тупики, «коньки», наконечники стрел, трубочки для раздойки животных.

Приоритетным направлением хозяйства у алексеевско-саргаринского населения Центрального Казахстана являлось отгонное яйлажное скотоводство [Грязнов, 1957. С. 25–26; Черников, 1957. С. 32; Маргулан и др., 1966. С. 263], зарождение этого вида хозяйственной деятельности связано еще с атасуской эпохой [Акишев, Хабдулина, 1999. С. 178]. На всех поселениях преобладают кости домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки.

Количество животных, способных к тебеневке (овца и лошадь), варьируется по отдельным памятникам довольно широко — от 60,5 до 80,7 %. В реальном стаде процент мелкого рогатого скота мог быть еще более высоким. Основной забой мелкого рогатого скота производился в теплый период года, вне поселений — на отгонных летних пастбищах. Крупный рогатый скот забивали в основном в зимнее время в местах стационарного проживания, о чем свидетельствует значительный процент костей крупного рогатого скота на поселениях в восточной части региона [Варфоломеев, 1991. С. 19].

Земледелие имело вспомогательное значение. О его развитии свидетельствуют находки каменных мотыг, использовавшихся для рыхления земли, бронзовых и костяных серпов на летних поселениях, расположенных у широкой поймы р. Нуры (рис. 3, 5).

Охота носила естественно-вспомогательный характер и была связана с выпасом скота. Количество костей диких особей не более 1,2 % от общего числа костных остатков, найденных на поселениях, что составляет примерно 5 % от числа особей забитых животных на конкретном памятнике. Объектами охоты являлись: сайга, кулан, джейран, архар, марал, кабан, лось, медведь, сурок, заяц, крупные водоплавающие птицы. На волка и лисицу охотились ради ценных шкур [Маргулан и др., 1966. С. 301; Варфоломеев, 1991. С. 18]. Как вспомогательная отрасль хозяйства существовало и рыболовство. Об этом свидетельствует костяная острога (рис. 3, 6) и рыболовные крючки (рис. 3, 10), найденные на полах алексеевско-саргаринских жилищ.

Из домашних промыслов продолжали развиваться гончарство, обработка шкур животных и выделка кожи, прядение и ткачество, обработка камня. Специализированным видом производства стала резьба по кости. Найденные на поселениях и в могильниках изделия свидетельствуют о высоком мастерстве и профессионализме резчиков по кости и рогу [Евдокимов, Варфоломеев, 2002. Рис. 30, 31]. В самостоятельные отрасли ремесла выделились горное дело и металлургия, базирующиеся в Центральном Казахстане на разработке местных залежей касситерита и меднорудных месторождений.

Материалы, полученные при изучении алексеевско-саргаринских поселений, позволяют говорить не только об их близости, но и о поступательном развитии этих комплексов.

Временные рамки бытования алексеевско-саргаринских комплексов определяются серией датированных предметов. На поселении Икпень III обнаружена литейная форма для отливки наконечника стрелы (рис. 3, 2), типологически близкого к наконечнику с подтреугольным пером с Садчиковского поселения [Кривцова-Гракова, 1951. С. 167, рис. 17, 2]. В Зауралье на Межовском селище найден крупный бронзовый дротик, аналогичный садчиковской стреле [Сальников, 1967. С. 362, рис. 58, 11; Кузьмина, 1973. С. 63, рис. 4, 2]. Данные изделия, связанные с развитием валиковых комплексов, Н. А. Аванесова датировала XII–IX вв. до н. э. [1975. С. 32, табл. 2].

С поселения Икпень I происходит бронзовый серп с дугообразной скошенной спинкой, выделенным прокованным концом для закрепления рукояти и мелкими зубчиками на лезвии (рис. 3, 5). Он типологически близок к андроновским серпам с сильным изгибом [Черных, 1970. С. 63, рис. 54, 12–21]. Е. Н. Черных подобные серпы относит к переходному периоду от сейминского к предананьинскому хронологическому горизонту [1970. Табл. Г]. Н. А. Аванесова синхронизирует серпы с выделенной рукоятью с сосново-мазинскими секачами [1979. С. 14–15]. находка серпа на дне жилища 4 совместно с валиковой посудой позволяет датировать его последней четвертью II тыс. до н. э.

Особо следует сказать о навершии булавы приплюснуто-овальной формы, с бортиком по основанию (рис. 3, 1). Она сходна с бронзовой булавой приплюснуто-округлой формы с кольцевым бортиком у втулки из позднебронзового могильника Дигоц в Армении, датированной концом XII в. — началом I тыс. до н. э. [Мартиросян, 1964. С. 143, 145, 202, рис. 59, 7]. Подобные изделия встречаются и на памятниках срубной культуры — шаровидная булава из белого мрамора с бортиком по основанию обнаружена на территории Нижнего Поволжья в Подковском могильнике [Скворцов, 1998. С. 47, рис. 2, 2]. Позднее время появления булав с бортиком подтверждается и находкой булавы в жилище 4 поселения Икпень I совместно с валиковой посудой алексеевско-саргаринского типа.

В алексеевско-саргаринском горизонте поселения Кент найдены серп-косарь (рис. 3, 15), ножи-кинжалы с кольцевым упором на рукояти (рис. 3, 14), двухлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой (рис. 3, 16), наконечник копья с прорезной рукоятью (рис. 3, 17), бытование которых датируется от XII до VIII в. до н. э. [Варфоломеев, 1987. С. 62, 66; Тихонов, 1960. С. 34–36; Черных, 1983. С. 95].

Анализ вещевого инвентаря, стратиграфические и планиграфические наблюдения на поселениях эпохи бронзы показали, что алексеевско-саргаринские комплексы относятся к ранней фазе развития общности культур валиковой керамики и могут датироваться в пределах последней трети II тыс. до н. э. Формирование валиковых комплексов в степях Центрального Казахстана, по нашему мнению, связано с активными контактами атасуского и нуринского населения. Результатом этого взаимодействия явилось растворение незначительных поздненуринских коллективов в позднеатасуской среде и сложение позднебронзовых комплексов алексеевско-саргаринского типа.

Развитие комплексов последнего типа проходило в рамках двух стадий: ранняя связана с трансформацией позднеандоновских комплексов в алексеевско-саргаринские (XIII — начало XII в. до н. э.); на поздней культура развивалась стабильно, с постепенным нарастанием признаков, характерных для заключительной фазы бронзового века (XII–XI вв. до н. э.).

По всем регионам Урало-Казахстанских и Сибирско-Алтайских степей валиковые комплексы завершают стратиграфические колонки бронзового века. В Центральном Казахстане разнотипная посуда заключительного этапа эпохи бронзы в культурном слое поселений залегает совместно и стратиграфически не расчленяется. Исключением является поселение Кент, где стратиграфически и планиграфически прослежена последовательность развития позднебронзовых комплексов. В раннем строительном горизонте памятника исследована постройка с ранневаликовой керамикой замараевского или межовского облика, занимающей «промежуточное положение между саргаринско-алексеевской и керамикой федоровско-бишкульского типа» [Варфоломеев, 1987. С. 57, 59, 66; 1991. С. 15]. К сожалению, в публикации, посвященной поселению Кент, этот комплекс почти не получил отражения [Там же. С. 59, рис. 4, 3]. Ранний горизонт, судя по стратиграфии памятника, перекрывают жилые сооружения, заполненные серой золой, содержащей алексеевско-саргаринскую посуду с небольшой примесью дандыбаевской и станковой керамики [Там же. С. 57, рис. 1]. Своеобразие стратиграфии поселения придает наличие стерильной делювиальной прослойки, перекрывающей алексеевско-саргаринские отложения и отделяющей их от материалов донгальского типа, развивающихся на финальной фазе бронзового века, которая и завершает стратиграфическую колонку поселения Кент. Котлованы построек с данной керамикой прорезали не только делювиальные отложения, но и ранние строительные горизонты [Там же. С. 57].

Результаты полевых исследований были подтверждены и теоретическими изысканиями. Т. М. Потемкина, изучив распределение основных типов керамики в слое Алексеевского поселения, типологически вычленила валиковую посуду как наиболее позднюю [1975. С. 35–49], существующую в рамках алексеевско-саргаринской культуры финальной бронзы [Зданович С. Я.,

Алексеевско-саргаринские поселенческие комплексы Сары-Арки

1974; 1979. С. 14–17; Потемкина, 1985. С. 261, рис. 108]. Самостоятельное существование валиковых комплексов аргументируется наличием однослойных поселений на территории Северного Казахстана (Саргары, Петровка IV) [Зданович С. Я., 1979. С. 8; Зданович Г. Б., 1988. С. 57–60, рис. 23]. Материалы этого региона позволили исследователям говорить об алексеевско-саргаринской культуре поздней бронзы как преемнице андроновской культурно-исторической общности предшествующей эпохи.

Таким образом, в позднебронзовом веке степных районов Казахстана выделяются два периода: ранний и поздний. Особенности материалов Урало-Алтайских степей позволяют предполагать, что ранний период связан с валиковыми алексеевско-саргаринскими и трушниковскими комплексами, формирование и развитие которых происходит в пределах XIII–XI вв. до н. э., завершаясь на рубеже II–I тыс. до н. э.; поздний — с носителями донгальских традиций, ставших основой для сложения комплексов раннего железного века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н. А.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Материалы по истории и археологии Узбекистана. Самарканд: Самарканд. ун-т, 1975. С. 27–60.
- Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 26 с.
- Акишев К. А., Хабдулина М. К.* Экология и историческая топография археологических памятников // Экология древних и современных обществ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 177–179.
- Варфоломеев В. В.* Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 1987. С. 56–68.
- Варфоломеев В. В.* Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991. 21 с.
- Варфоломеев В. В., Евдокимов В. В., Усманова Э. Р.* Экспедиция Карагандинского университета // АО 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 480–482.
- Грязнов М. П.* Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. 1957. Вып. 26. С. 21–28.
- Евдокимов В. В.* Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: КарГУ, 1982. С. 3–20.
- Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 2002. 138 с.
- Евдокимов В. В., Ломан В. Г.* Поселение Копы I // Вопр. археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 1982. С. 20–41.
- Зданович Г. Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.
- Зданович С. Я.* Культура финальной бронзы Северного Казахстана // Сб. науч. тр. по гуманитарным наукам. Караганда: КарГУ, 1974. С. 317–321.
- Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 20 с.
- Зданович С. Я.* Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984. С. 79–96.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976. 59 с.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // МИА. 1951. № 21. С. 152–181.
- Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 153–164.
- Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 453 с.
- Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннем железном веке. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964. 305 с.
- Обыденнов М. Ф.* Культура населения Южного Урала в конце бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 18 с.
- Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. 1975. № 1. С. 35–50.
- Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. 1979. № 2. С. 19–30.
- Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

А. А. Ткачев

Потемкина Т. М. Проблема связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. 1995. № 2. С. 11–19.

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Скворцов Н. Б. Новые археологические памятники Кумылженского района // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Волгоград. ун-т, 1998. Вып. 6. С. 46–59.

Тихонов В. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Поволжье // МИА. 1960. № 90. С. 5–115.

Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.

Черников С. С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. 1957. Вып. 26. С. 28–33.

Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 81–99.

Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article is devoted to a description of settlement complexes of the Alexeyevka-and-Sargary culture from Central Kazakhstan, which existed within common cultural conditions of the ridge pottery. Subject to investigation being pottery and article inventory, substantiating two-staged development of the Alexeyevka-and-Sargary antiquities of Sary-Arka.

Sary-Arka, the Alexeyevka-and-Sargary culture, settlements, pottery, inventory.